

Выставка Шарля-Луи Клериссо

Русская мысль.
Париж. - 1995. - 2 нояб. - с. 14.

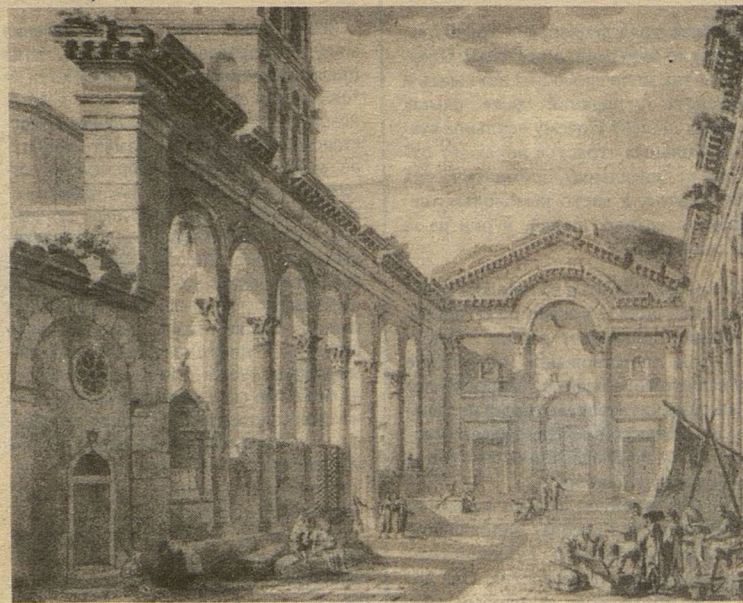
Эта выставка, открытая с 22 сентября до 18 декабря, приехала в Лувр из Эрмитажа. Она представляет творчество французского архитектора и художника XVIII столетия, известного во Франции, пожалуй, одним лишь специалистам. Зато в России Клериссо известен гораздо шире.

Так сложилась судьба его произведений: в 1779 году при посредничестве Гримма Екатерина II купила коллекцию рисунков Клериссо, почти все содержимое его мастерской, более тысячи листов, за огромную по тем временам сумму — 60 тысяч ливров. В результате этой покупки Клериссо был назначен императрицей своим первым архитектором.

Екатерина была в восторге от рисунков Клериссо. Она писала Гримму: «Занимаясь в течение нескольких дней во все часы досуга рассматриванием рисунков Клериссо и не отрывая от них взгляда, голова моя разгорячилась». Она писала еще: «Клериссо мне нравится бесконечно».

Сразу по получении коллекции императрица приказала вытащить из прибывших в Петербург портфелей несколько сотен рисунков, окантовать их и повесить в своих комнатах: «Картины Клериссо прибыли очень кстати, потому что я украшаю этими рисунками мой будуар в Петербурге». Остальные рисунки велено было тщательно изучать крупнейшим петербургским архитекторам того времени — Кваренги и Камерону.

Несколько позднее Екатерина II заказала архитектору проекты музея в античном вкусе и триумфальных ворот, которые ей, однако, не понравились и осуществлены не были. В дальнейшем архитектор, продолжая надеяться на новые заказы и покупки, посылал Екатерине письма и рисунки, од-

Ш.-Л. Клериссо. Двор дворца императора Диоклетиана в Сплите.

нако увлечение ее прошло, и она просила Гримма «избегать его как чумы».

Так, никогда не будучи в России, не встретившись с Екатериной, Клериссо оказался связанным с этой страной.

Шарль-Луи Клериссо родился в 1721 году. В 1746 году он получил Большой приз Королевской академии архитектуры в Париже и тремя годами позже отправился в качестве пансионера во Французскую академию в Риме. Там он сразу попал в совершенно особую среду, оказался в атмосфере чрезвычайно напряженного творческого поиска, зарождения нового вкуса и стиля в архитектуре — неоклассицизма.

Достаточно сказать, что в это время он познакомился с Пиранези, оказавшим на него решающее влияние, а позднее и с Винкельманом, с которым он беседовал об

античном искусстве и об археологии.

До 1767 года художник оставался в Италии, ведя независимое существование, непрестанно рисуя античные руины, фрагменты античных памятников, разнообразные элементы декора, придуманные архитектурные пейзажи, так называемые фантазии. Он рисовал и с натуры, и со старинных гравюр, иногда точно следуя форме существующих памятников, иногда изменяя и деформируя эту форму.

В этих рисунках, большинство которых и хранится ныне в Эрмитаже, сохранился живой дух того нового открытия античности, который опередил почти на целое столетие дальнейшее развитие искусства и особенно архитектуры. В них чувствуется редкой силы жажда и жадность все увидеть, все зафиксировать, сделать это

Вид на храм Бахуса во дворце Диоклетиана в Далмации.

неисчерпаемое, богатейшее наследие достоянием современности, разделить свое открытие со своими собратьями, но также и с широкой публикой.

Та новая античность, которую открывали Пиранези, Паннини, Винкельман, Клериссо, была не похожа на античность, известную прежде. Это не был больше свод идеальных форм, норм и правил красоты, мир условных понятий и готовых форм, которые можно было использовать внутри риторической традиции.

Теперь античность ожила, задышала, но именно в том виде, в котором она сохранилась к середине XVIII столетия. Это были руины, обломки, фрагменты, заросшие деревьями и травой, заброшенные и перестроенные. И их полюбили именно как следы далекой, утраченной культуры, на них проецировали современность — ведь когда-нибудь и современная культура окажется в руинах, в таком же нищем, но величественном виде.

Полнейшее изучение античных руин открывало бесконечное разнообразие форм, становившихся достоянием современных архитекторов. Но еще важнее было то, что в истолкованиях художниками античных памятников открывался новый смысл архитек-

туры как вида искусства, способного создать совершенно особый и самодостаточный мир, но одновременно писать «летопись мира». В архитектуре прозревался тайный смысл, символическое напряжение, память о прошлом и весть о будущем.

Все это есть у Клериссо. Но есть у него и нечто особое, «французское». Таинственность древних руин соединяется в его рисунках с нежностью и мягкостью форм, напоминающих о столь еще недавнем рококо.

Художник адаптирует стиль Пиранези, делает его гораздо более доступным для воспроизведения, для подражания, для обновления моды, для коллекционирования.

И не случайно, что именно Клериссо оказывается так «ко двору» в России, что именно ему заказывают проект античного музея, на стенах которого должны были размещаться исполненные самим художником виды античных руин.

Но не случайно и то, что проект этот остался невоплощенным. Перегруженная смыслами и значениями, эта архитектура нередко целиком воплощалась в невоплощаемом на деле проекте.

ОЛЬГА МЕДВЕДКОВА

Париж

Клериссо Шарль-Луи

2.11.95.